

Кто-то потерял кошелек. Точнее, было известно, что оставил его на прилавке магазина мужчина лет сорока, в серой куртке, но хозяйка продуктового магазина «Калгарийские вкусняшки» Лариса знакома с ним не была. Так, заходил иногда... Сейчас она вертела кошелек в руках, думая, что делать, когда вошла Анна — одна из постоянных покупательниц. Посмотрела по сторонам, и заметила пухлый кошелек.

— Привет. Это что?

— Да вот, мужчина оставил.

— Так надо вернуть.

— Я его не знаю.

— Давай пороемся, там должны быть карточки, узнаем имя.

— Мы не можем рыться в чужом кошельке.

Покупательница кивнула и пошла с корзинкой выбирать продукты. Когда подошла в кассе и Лариса стала считать сумму ее покупок, обе молчали. Обычно разговорчивая Анна расспрашивала, рассказывала о себе, а тут — молчала. Взяла пакеты и ушла.

* * *

Анна ехала и думала о мужчине, который потерял кошелек. Вот, поди, мечется. Кошелек толстый, скорее всего там и деньги наличкой, и куча карточек, как у всех канадцев. Просто таки вся жизнь в кошельке — и водительские права, и несколько кредиток, и дебитные карточки — личная и, возможно, с бизнес-счета, и страховка здоровья. Ох, да штук пятнадцать может быть! И теперь, если он не сообразит, где потерял, будет обзванивать все организации, отменять карточки. А потом получать новые. Морока! А наличку-то тоже жаль. Кто знает, может он ее тяжким трудом заработал? Да наверняка тяжким, кто из иммигрантов в Канаде легко зарабатывает?

Мужчину было жаль.

Анна вспомнила разные случаи, когда она сама что-то теряла. Вот чем Канада хороша, так это что почти всегда все возвращают. И она теряла, и ее знакомые теряли разные вещи, и всегда кто-то звонил и отдавал потерянное. Принято было вознаграждать людей пятидесятью долларами. Самый интересный случай ей рассказала знакомая, у которой сын работал дальнбойщиком — ездил в США. Сын приехал в Калифорнию, у него были почти сутки свободными — редкость, но

случается. Он пошел на пляж. Отдохнул, а когда вернулся, обнаружил, что где-то выронил бумажник. И что прикажете делать? Там — все! И права, и денежные карточки. Не говоря уж о сумме — восемьсот долларов наличкой. Расстроился. Хотел позвонить домой, попросить прислать деньги. Но куда прислать? Кто откроет ему счет, если при себе нет документов? Решил по русской традиции, что утро вечера мудренее, и лег спать. И еще, по канадской традиции, надеялся, что кто-то найдет кошелек и вернет. Пусть даже деньги себе заберут, главное — чтобы отдали права.

Наутро ему позвонили и назначили встречу на пляже. Каково же было удивление дальнбойщика, когда к нему подошел бомж.

— Вот, сэр, ваш бумажник. Я увидел имя на правах, и разные визитные карточки, позвонил вашим знакомым и узнал ваш телефон. Тут все деньги в сохранности. Простите, нет только двух долларов — я купил кофе.

Дальнбойщик дал бомжу не пятьдесят, а сто долларов. Ехал домой крыленный, будто на него пролилась благодать. Видеть, что в мире есть честные люди — радость. Знать, что беды не всех ломают — счастье.

Но сейчас у Анны на душе было мутрно. Ей уже сорок пять, она научилась видеть зарождение чего-либо на ранней стадии. Когда еще сам человек, в котором зародилось, не осознает своего желания или намерения. Ей показалось, что Лариса не хочет отдавать кошелек покупателю. Не то, чтобы твердо решила прикарманить. Но в растерянности. Явного желания отдать кошелек — нет. И время сейчас будет работать против растеряши. Чем дольше он будет отсутствовать, тем больше Лариса будет сживаться с мыслью, что кошелек достанется ей.

Мало того, что было жаль мужика, так и Ларису было жаль. Потому, что она — хорошая. И совершит грех. Анна не хотела чтобы Лариса совершила грех. Хотя хозяйка магазина и была уже изрядной грешницей. Аня недавно об этом узнала. С превеликим изумлением. Лариса сама проговорила, и не поняла, что проговорила.

* * *

Когда Анна с маленькой дочкой приехала в Калгари, она оказалась в тяжелом положении. Приехала она после погромов армян в Баку, в 1990 году. Несмотря на то, что она русская, оставаться в азербайджанской столице было опасно — на лбу-то не написано кто армянин, кто русский. А кроме того, во время беспорядков на улицы выходят в основном не идейные, а бандиты. Им все равно кто есть кто — лишь бы изнасиловать, избить, ограбить. Потому Анна взяла ребенка под мышку — и бежать. Тогда ей сказали, что можно переехать в Канаду в качестве беженки. Армяне всю бежали туда. Но она-то русская. Неизвестно признают ли беженкой ее. Знающие люди говорили, что вряд ли. Русских беженцами почти никогда не признают. Разве что если гомосексуалистов. Однако, помню писаных правил, есть еще и судьба. Которая все же закинула Анну в Канаду.

Она грамотно заполнила прошение о виде на жительство, красноречиво описала свою историю, и просто понравилась тем, кто решал вопрос. Божья воля плюс человеческий фактор. Ей дали вид на жительство. Но до этого было два года мучений в подвешенном состоянии. С ребенком и без канадских документов никто не брал на квартиру. Приютили давние знакомые, которые на два года раньше переехали из Баку. Они были как родня, бок о бок с детства жили. Они сами ее позвали. Без их зова она и не решилась бы эмигрировать. Пока жила у них, старалась «не отвесивать» — вести себя тише, бывать дома реже. Благо, с ребенком сидела их бабушка, которая знала девочку с рождения и любила ее как родную внучку. Анна же целыми днями работала, причем бесплатно — в надежде, что когда дадут вид на жительство, работодатель примет ее на постоянную, и уже оплачиваемую работу. Работала бесплатно, но скром-

ный вклад в бюджет семьи все же вносила — за ее и ребенка питание. Деньги привезла с собой из Баку, сразу на счет положила...

Выходные Анна тоже проводила вне дома. Брала ребенка и уходила на весь день куда глаза глядят. Ходили по магазинам, паркам. А все потому, что заели. Загрызли, задолбили. Она порой приходила в десять вечера с работы, ей открывала дверь хозяйка, чем-то взвинченная. Может быть, тем, что муж-инженер работал на фабрике — кур паковал, а может у нее была послеродовая депрессия — родила полгода назад. А может быть, это было в характере — издеваться над зависимыми.

Подруга детства стояла, уперев руки в бока, и воспитывала: «Ты английский сегодня учила?»

— Нет, я работала.

— А чем ты думаешь? Как ты будешь здесь жить?

— Я быстро выучу. Я гуманитарий.

И ее начинали поливать. Что легкомысленная, и всегда такая была, и на нас не рассчитывай, мы для тебя не будем везде звонить и говорить по-английски. И родителям твоим, в Баку оставшимся, расскажем какая ты. И ты вчера в душе занавеску не отдернула, чтобы ванная проветрилась. А что за мужская рубашка лежит в шкафу? Это ты своему бывшему купила и хочешь послать? Этому козлу?

Да, Анна хотела послать «козлу». Потому что у нее с ним была любовь с девятого класса. И развод покромсал души обоих. И он, «козел», тоже жертва разбившейся о постперестроечный быт лодки. Она не держала на мужа зла.

Анна молча проходила к своему дивану в углу гостиной, и ложилась спать. Беззвучно плакала. Потому что все было темно и шатко. Вида на жительство ей Канада еще не дала, и неизвестно даст ли. Родители по телефону умоляли не возвращаться, так как ситуация в развалившейся стране все хуже. Сами собирались перебраться в Россию, но не было ни денег, ни связей — их род вот уже почти сто лет жил в Азербайджане. А главное, здоровья не было.

Анна понимала, что Канада на данный момент — оптимальный вариант. Мечтала, что получит вид на жительство, и заберет к себе родителей. А значит, надо терпеть. В таких отчаянных ситуациях молодым женщинам помогают обычно мужчины. Анна была не из тех, кто пользуется их деньгами — учительская дочка, она выросла идеалисткой. Но пользоваться иной мужской помощью, она считала, можно. Ведь не сопротивлялась же Василиса Прекрасная когда Иван Царевич увозил ее от Кощея на сером волке?

В один предновогодний вечер, когда она не представляла себе как будет справлять Новый Год с еле терпящей ее семьей, она дала маленькое объявление в русской газете. «Женщина 26 лет, ищет добрых людей, с которыми можно встретить Новый Год. Придет с тихим ребенком и домашней едой». Ей звонили мужчины. Предлагали себя в качестве со-встречателей. Аня записывала их телефоны. Ребенок их не смущал. Это были, видимо, неплохие мужчины. Образованные. В 90-е в Канаду рванули в основном специалисты в разных отраслях. Именно их охотно принимали по особой квоте. Подруга детства смотрела на все это круглыми глазами. «А это кто тебе звонит?.. На праздник приглашают?.. А ты их знаешь?.. Атас. И ты не боишься?» Анна не боялась. Она не собиралась идти абы к кому и встречать праздник с кем-то тет-а-тет. Она объясняла, что придет только в компанию. Где есть мужчины, женщины и дети. Но в итоге получилось иначе. Победил тот, кто оказался легок на подъем.

Молодой мужчина позвонил, рассказал о себе — что живет с маленькой дочерью, с женой в разводе, работает на бензозаправке, тоже новый иммигрант. Им с дочерью не хватает всего — и домашней еды, и подружки ребенку, и собеседницы папе. Он спросил адрес и тут же приехал. Аня даже растерялась от его скорости. А потом обомлела, когда увидела.

Это был очень красивый парень лет тридцати. С ярко-зелеными глазами и спортивной фигурой. Анна сначала погуляла с ним вокруг дома, потом съездила в кафе, потом они забрали от няни его пятилетнюю дочку, и в итоге они не только вместе встретили Новый год, но и каждые выходные стали проводить вместе в его квартире. Они не были любовниками, у обоих было слишком много переживаний. Аня рассказывала, как ее дома оскорбляют, и не могла остановиться, плакала. Глеб поведал свою историю. Вкратце она выглядела так.

Он с женой, дочкой и тещей переехал в Канаду. Работу найти не мог, а на физическую и низкооплачиваемую идти не хотел. Стал получать соцпособие. Денег не хватало. Жена зудела, и особенно — теща. Они ругали, оскорбляли, гнали. А он все искал работу получше, ходил на компьютерные курсы. В итоге на второй год жена нашла работу в массажной студии. Глеб не знал, что многие массажки — это замаскированные бордели. Он верил, что жена там делает людям массаж, оттого и приносит в семью хорошие деньги. Тем временем, атмосфера ухудшалась, и он понять не мог, почему дома его ненавидят. Он сам возил жену на работу. И однажды ему сказали... Самое страшное в мире — это гнев лабоу мужнины. Сильный великодушен. Слабый, который знает, что именно его несостоятельность заставила жену зарабатывать телом, и который с ужасом подозревает, что она на работе видела самцов и получше, уподобляется Везувию. Мечь извергается из него тоннами.

Глеб развелся с женой и стал бороться за дочь. Он забрал ребенка и сообщил суду, что жена — проститутка. Хотел наказать жену на всю жизнь. И началось... Канадские суды стараются не вставать на сторону одного родителя. Они считают, что ребенку лучше с двумя родителями, пусть и разведенными. Они делают права на ребенка пополам, и то, что мать — проститутка, не имеет значения, если она не занимается своим делом на глазах ребенка, если заботится о нем. Тем более, у Глеба не было доказательств ее аморальности. Все только с его слов. Официально же супруга — массажист.

Глеб ненавидел ее и страдал. Он просыпался среди ночи и стонал: «Я сам ее возил к клиентам!». Он не мог спать.

Анне было жаль его, но она осторожно говорила:

— Ты тоже виноват, ты не работал...

Ей не нравилось, что он отбирает у матери дитя.

— Скажи пожалуйста, ты пошла в проститутки? — вскидывался Глеб. — Ты приехала с ребенком, у тебя нет вида на жительство, и ты работаешь не в массажке! А она приехала с канадскими документами, у нее мать с ребенком сидит — работай где хочешь, садись на пособие и учись, как я! Но она выбрала легкий путь.

Аня задумывается. Вообще-то, да. Хотя путь у глебовой жены — не легкий. Представить, как ты сексуально обслуживаешь всех этих индусов, китайцев, африканцев, коренных канадцев и прочих — это рехнуться просто. Русских обслуживать тоже не подарок, но в силу того, что клиент и проститутка могут поговорить, складывается хотя бы иллюзия отношений. А супруга Глеба ведь и английский толком не знала, когда приступила. Да и нормы гигиены в СССР с садика прививались, а тут, в «мультикультурном котле», неизвестно какие у людей нормы.

Глеб работал на бензоаправке, получал мало, так еще и платил няне и адвокату. Потому ему было выгодно, что два дня в неделю в его квартире живет Аня, и сидит с его дочерью бесплатно. Анне тоже было выгодно хотя бы два дня отдохнуть от друзей детства, дать им ощущение своего неприятия в доме, а главное — уделить полноценное внимание своей дочери. В квартире Глеба было тихо, спокойно, журчал фонтанчик. Аня готовила еду, читала детям сказки, укладывала их днем спать, гуляла с ними. Обратила внимание, что дочка Глеба, засыпая, постоянно вертится в постели. Просто страшно смотреть. Ребенок, как поняла Аня, нервничал оттого, что родители воевали. Кроме

того, четыре дня в неделю девочка жила у мамы, три дня — у папы, и это тоже не укрепляло психику. От матери-учительницы Аня знала, что ребенок — существо режимное. Ему нужны определенные ритуалы и церемонии — как и чем завтракать, когда купаться, как отходить ко сну. А при жизни на два дома какие ритуалы? Мама и папа наговаривали друг на друга, заставляли девочку врать, и снимали это на камеру для суда. Но суд не верил. Суд давно знал эти уловки, и дело об опеке затягивалось.

— Ты бы отцепился от жены, — уговаривала Аня Глеба. — Ну, тебе изменяла, а мать-то она хорошая...

— Проститутка не может быть хорошей матерью!

И Аня замолкала, подавала на стол, гладила по голове чужого ребенка. Так, поддерживая друг друга, Аня с Глебом и сдружились. Не сказать, что они друг другу не нравились как мужчина и женщина. Она считала его писанным красавцем, он отмечал ее фигуру, но романа не получилось, так как оба пребывали в унынии и пили таблетки. Аня послабее, травяные, Глеб посильнее, «химию».

Однажды у них даже «случилось». Но, как подозревала Аня, не потому, что Глеб этого хотел, а потому что ему, мужчине, было стыдно, что он ею не овладевает. Ей со своей стороны — вот ведь смех — было неудобно отказать. Человек в беде, приютил. Однако ничего из этого не получилось. Они больше не повторяли попыток. А потом и вовсе потеряли друг друга из виду. Аня получила вид на жительство и переехала.

* * *

Она не хотела, чтобы Лариса совершила грех и замылила кошелек. Хозяйка магазина ей нравилась. Для торгового работника Лариса была довольно честна. Если у нее в магазине попадались несвежие продукты, она предупреждала Аню. Других не предупреждала, но Аня ценила ее честность в отношении себя. Лариса не выглядела жадной. Она часто устраивала распродажи, и иногда дарила Ане то банку сгущенки, то шоколадку, то банку огурцов. Хозяйка магазина была высокой, фигуристой брюнеткой с большой грудью. Такой красивой, что Аня говорила: «Завидую». А Лариса равнодушно отвечала: «Знаешь как спина болит это таскать?» Лариса была также великой труженицей. Она в одиночку владела магазином, весь день проводила на ногах — звонила кому-то, привозила коробки, сама же их и таскала. И еще она — преданная дочь. Нередко в подсобке магазина сидела в инвалидном кресле ее мама. У нее недавно случился инсульт. Лариса установила там телевизор, и мама смотрела российские каналы. Рядом лежали на блюдечках деликатесы — буженина, икра, селедочка...

Иногда Лариса приглашала Анну в подсобку, и там женщины выпивали и закусывали. В разговорах мелькала 17-летняя дочь Ларисы, которой надо заработать на образование. Мелькнул в беседе однажды и бывший муж — горе-папаша. «Лузера кусок», как выразилась Лариса. Почему кусок — непонятно. Наверное, лузерство представлялось ей одним огромным явлением, частичкой которого был ее муж.

И вот однажды Анна пришла в магазин и увидела у прилавка Глеба.

— О, смотри, Глеб, это Анна, моя покупательница, — сказала Лариса. — Анна, знакомься, это мой бывший.

Анна остолбенела. Лицо вспыхнуло.

— Здравствуйте, приятно познакомиться, — пролепетала она.

Глеб улыбнулся и кивнул.

— А мы тут... — Лариса что-то говорила, Аня не понимала что. Она была изумлена. И ей было стыдно. Она ведь спала с мужем Ларисы, и по тому, как она покраснела, Лариса могла догадаться. Не важно, что бывший. Муж есть муж, он бесследно не проходит. Но главное изумление состояло в том, что выходит, Лариса — бывшая проститутка. Вот откуда большая грудь. Силиконовая. Для работы.

Анна ничего не сказала, а стрелой пронеслась вглубь магазина, чтобы справиться с чувствами. Потом рассчиталась и вышла. Глеб вышел вслед за ней и состоялся обычный разговор давно не видевшихся людей. Анна рассказала, что вышла замуж, родила. Глеб сообщил, что до сих пор живет один, что с женой в итоге пришли к примирению по поводу дочери, так как очень дорого было платить адвокатам.

* * *

Лариса ничего не заподозрила, и они с Анной общались как прежде. Как ни странно, Анна не презирала Ларису за проституцию, а, напротив, пожалела. Сейчас Аня стремилась к тому, чтобы Лариса еще раз не совершила грех. Съездила по своим делам и вернулась в магазин.

— Забыла чай купить! — объявила с порога.

Ларисы нигде не было, за прилавком стояла незнакомая девушка-продавец.

— А где Лариса?

— На базу уехала.

— А покупатель за кошельком приходил?

Продавец сказала, что ей ничего о кошельке неизвестно и никто за ним не приходил.

«Значит, Лариса его спрятала», — подумала Анна. Зло взяло.

— Скоро Лариса придет?

— Да, база близко.

Анна ходила по магазину, ждала. Лариса пришла, устало посмотрела.

— Слушай, мужик-то не пришел, — сказала Анна. — Что делать будем?

Она умышленно говорила так, будто это их общая проблема.

— Не знаю. Придет, так придет, не придет — его дело.

— Ну, как его? Ты представляешь, что человеку могут быть позарез нужны эти карточки? И деньги... может они у него последние?

Лариса молчала, отвернувшись.

— Доставай кошелек, если ты не можешь порыться, я не щепетильная.

Анна говорила быстро, командовала. Чтобы Лариса не успела опомниться. И еще говорила громко, чтобы и продавец слышала. Хозяйке магазина ничего не оставалось как подать кошелек. Там оказалось около 400 долларов наличкой и куча карточек. Аня выбрала визитку бухгалтера и, когда та подняла трубку, осведомилась:

— Здравствуйте, вы знаете Антона Лисицына? Нам нужен его номер телефона.

— Да, знаю, — насторожилась бухгалтер. — А зачем вам?

— Он потерял кошелек в магазине «Калгарийские вкусняшки». Скажите ему, что его здесь очень ждут!

— Ну, вот и все! — она положила трубку и преувеличенно радостно посмотрела на Ларису. Та стояла с каменным лицом, как будто происходящее ее не касается. — Вот мужик рад будет! Это хорошо еще, что он у тебя забыл! Другие бы не вернули!

* * *

Зашла в магазин через неделю. Лариса, увидев ее, разулыбалась.

— Тот мужик пришел, — рассказала Лариса. — Я отдала ему кошелек, и если б ты знала, как он меня благодарил! О-о-о-о! Так был рад! Букет цветов принес, пятьдесят долларов дал, и кучу комплиментов наговорил.

Лариса сияла. Она по-детски гордилась своим поступком. Анна смотрела на нее, кивала, и думала, что Лариса, в общем-то, имеет право считать себя честной. Зло ведь в тот день не успело укорениться в ее душе. У хозяйки магазина просто были нехорошие мысли.

Рассказывая обо всем этом вечером своей дочери, Анна говорила:

— Есть в православии такое понятие — «прилог». Это первая грешная мысль. Ее нужно давить в зародыше. Упустил время — давить будет

труднее. А если вырастил мысль, размечтался, так порой и совсем невозможно... Если бы люди помнили об этом, они могли бы быть намного счастливее. Ведь что такое, например, страдания главной героини в «Зимней вишне»? Это страдания женщины, которая посмотрела на чужого мужа, захотела его, и не задавила в себе прилог.

В кои-то веки Анна была довольна собой. И пусть мужик не знает, что кошелек ему вернула она, главное, что эти двое рады. Один — нашедшейся вещи, вторая — тому, что познала: отдавать слаще, чем брать. Осознавать себя честным человеком — удовольствие высокого ранга. Оно не всем дано. Например, самым богатым людям мира его не испытать.